

DOI: 10.21672/1818-510X-2021-68-3-042-051

**К ВОПРОСУ О ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ИНИЦИАТИВАХ И ЗАПРОСАХ ДЕПУТАТОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАЧАЛА XX в.
ТРЕТЬЕГО И ЧЕТВЕРТОГО СОЗЫВОВ ПО СОХРАНЕНИЮ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ**

Карапетын Лев Александрович, доктор исторических наук, профессор
Краснодарский государственный институт культуры
Российская Федерация, 350072, Краснодар, ул. 40-летия Победы, 33
E-mail: leva.karapetyan.53@mail.ru

Обращение к историческому опыту о роли нового государственного органа – парламента в области охраны исторического и культурного наследия – актуально не только в академическом смысле. Цель статьи – рассмотрение депутатских законодательных инициатив и запросов к правительству по вопросам исторического и культурного наследия. Источниковую основу статьи составляют законодательные материалы российского парламента. Статья базируется на системном подходе, принципах объективности, историзма, конкретности. Применены и специальные методы: историческое объяснение, историко-правовой, сравнительно-исторический. Выявлено, что изменения в государственной культурной политике, в том числе в сфере охраны культурного наследия, связаны с переходом России к конституционной монархии, означавшего и ограничение законодательной власти императора. Несмотря на недемократичный избирательный закон в Государственную думу, общество получило возможность участия в законотворчестве по вопросам сохранения материального и нематериального культурного наследия. Предмет исследования составили депутатские законодательные инициативы и запросы к правительству. Депутатские запросы позволяли осуществлять парламентский контроль над Советом министров, который формировался царём и был ответственен только перед ним. Дан содержательный анализ пяти законодательных инициатив, трёх запросов и обращения. Законодательные предложения были направлены на увековечение памятных событий и сохранения отдельных памятников, для которых требовались значительные финансовые ассигнования. В этом вопросе между депутатами различных партийных фракций и правительством было больше взаимопонимания, хотя и сфера культуры по-прежнему финансировалась по остаточному принципу. Гораздо серьёзнее были разногласия при рассмотрении депутатских запросов, связанных с нематериальным культурным наследием, в частности отношением к национальному языку.

Ключевые слова: Государственная дума, депутат, законодательная инициатива, депутатский запрос, законопроект, думская комиссия, думская партийная фракция, законотворчество.

Цитирование. Карапетын, Л. А. К вопросу о законодательных инициативах и запросах депутатов Государственной думы Российской империи начала XX в. третьего и четвертого созывов по сохранению культурного наследия / Л. А. Карапетын // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2021. – № 3 (68). – С. 42–51. – DOI: 10.21672/1818-510X-2021-68-3-042-051.

**ON THE QUESTION OF LEGISLATIVE INITIATIVES AND INQUIRIES OF DEPUTIES
OF THE STATE DUMA OF THE RUSSIAN EMPIRE OF THE BEGINNING OF THE XX CENTURY
OF THE THIRD AND FOURTH CONVOCATIONS FOR THE CULTURAL HERITAGE PRESERVATION**

Karapetyan Lev A., Doctor of Historical Sciences, Professor
33 40-letiya Pobedy Str., Krasnodar, 350072, Russian Federation
Krasnodar State Institute of Culture
E-mail: leva.karapetyan.53@mail.ru

An appeal to historical experience about the role of a new state body - parliament - in the field of protection of historical and cultural heritage is relevant not only in the academic sense. The purpose of the article is to consider parliamentary legislative initiatives and requests to the government on issues of historical and cultural heritage. The source of the article is the legislative materials of the Russian parliament. The article is based on a systematic approach, the principles of objectivity, historicism, and concreteness. Special methods were also applied: historical explanation, historical-legal, comparative-historical. It was revealed that changes in state cultural policy, including in the field of cultural heritage protection, are associated with the transition of Russia to a constitutional monarchy, which also meant limiting the legislative power of the emperor. Despite the undemocratic electoral law to the State Duma, society was given the opportunity to participate in legislation on the preservation of tangible and intangible cultural heritage. The subject of the research was parliamentary legislative initiatives and requests to the government. Deputy inquiries made it possible to exercise parliamentary control over the Council of Ministers, which was formed by the king and was responsible only to him. A substantive analysis of five legislative initiatives, three requests and appeals is given. The legislative proposals were aimed at perpetuating memorable events and preserving individual monuments, for which significant financial allocations were required. On this issue, there was more mutual understanding between the deputies of various party factions and the government, although the cultural sphere was still financed on a leftover basis.

Disagreements were much more serious when considering parliamentary inquiries related to intangible cultural heritage, in particular, attitude to the national language.

Keywords: State Duma, deputy, legislative initiative, de-confusion inquiry, bill, Duma commission, Duma party faction, law-making.

Citation. Karapetyan, L. A. On the question of legislative initiatives and inquiries of deputies of the State Duma of the Russian Empire of the beginning of the XX century of the third and fourth convocations for the cultural heritage preservation. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 2021, no. 3 (68), pp. 42–51. – DOI: 10.21672/1818-510X-2021-68-3-042-051.

Введение

В современной России охрана огромного многонационального и поликонфессионального культурного наследия является неотъемлемой частью государственной культурной политики, поскольку велико его значение в формировании исторической памяти, чувства патриотизма, национальной гордости и гражданской идентичности, способствующие укреплению российского общества и государства. Об этом свидетельствует законодательная база, принятая Федеральным Собранием (парламент РФ). Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 г., определяющим цели и задачи государственной культурной политики, отмечена также роль сохранения материального и нематериального культурного наследия для воспитания и образования как необходимого условия для индивидуального и общего развития [11, с. 10–11]. Положения о поддержке и государственной охране уникального наследия многонационального народа, защиты исторической правды нашли отражение и в поправках к Конституции РФ, принятые всенародным голосованием 1 июля 2020 г. (ч. 4, ст. 68, ч. 2 ст. 69, ч. 3, ст. 67.1). Базируется на наследии и реализация национального проекта в сфере культуры.

На наш взгляд, познание опыта начала XX в., времени возникновения и становления российского парламента, его роли в сфере охраны исторического и культурного наследия актуально и в практическом смысле. Известно, что в указанный период отсутствовал специальный государственный орган и единый закон, регулирующие общественные отношения в области охраны культурного наследия. Не было и такого понятия, как «культурное наследие». Чаще всего применялись такие понятийно-терминологические определения, как «древности», «памятник старины», «памятники искусства и старины». Их нормативно-правовая охрана была рассредоточена по разным министерствам и ведомствам государства.

Вместе с тем в указанном времени следует выделить до парламентский и парламентский периоды, в которых механизм принятия законов принципиально отличался. В первом случае в самом жёстком виде он сводился к тому, что поступающие в законосовещательный Государственный совет законопроекты (обладали законодательной инициативой кроме царя и министерства, а Госсовет, лишённый такого права, мог вносить изменения и дополнения) после их одобрения поступали на утверждение императору. Определённая специфика имела в нормотворчестве Святейшего Синода как высшего государственного органа в вопросах веры и церковного управления [14, с. 22; 27, 32–32].

С 1906 г. на основе положений Манифеста 17 октября 1905 г. в государственном механизме России произошли важные изменения. В новую редакцию Основных Государственных законов от 23 апреля 1906 г. вошли положения, определившие движение России от абсолютной монархии к конституционной монархии. Речь идёт о двухпалатном (Государственная дума и Государственный совет) парламенте, ограничившем законодательную власть императора, новом статусе Совета министров, главе «О правах и обязанностях российских подданных», состоящей из 15 статей.

Об этих изменениях государственного аппарата, о законотворческой деятельности российского парламента имеется обширная научная литература. Малочисленны работы, в которых представлен материал о роли парламента в сохранении культурного наследия. В то же время исследуемая проблема практически не изучена. В этом, прежде всего, актуальность статьи в плане постановки проблемы. Её целью является рассмотрение депутатских законодательных инициатив, а также запросов и обращений членов Думы к правительству по вопросам, связанным с историческим и культурным наследием через призму подходов различных партийных думских фракций, проявившихся как в работе парламентских комиссий, так и общих собраний палат.

Основная часть.

Законодательные инициативы

Глава X Основных Государственных законов определяла принципы формирования и компетенцию двухпалатного российского парламента. Госсовет состоял поровну из членов по назначению и выборам (ст. 100). Госдума избиралась населением на пять лет на основе избирательного закона (ст. 101). Палаты парламента были наделены правом законодательной инициативы, кроме Основных законов, право изменения которых принадлежало только императору (ст. 107). Совет

министров (правительство) формировался императором и был подотчётен только ему. Применительно к правительству Дума получила лишь право запроса к нему (ст. 108) [10, с. 7]. Указанные принципы относительно отмеченных палат конкретизировались в соответствующих Учреждениях о них. Статья 31. Учреждения Государственной думы определяла предметы её ведения. Статья 33 наделяла Думу правом запроса к исполнительным органам власти, действия которых представлялись незакономерными, а согласно ст. 40 депутаты могли обращаться к ним за разъяснениями по вопросам её компетенции [12, с. 44].

Дума как часть государственного механизма, представляющая в соответствии с избирательным законодательством, хотя и незначительную часть общества, принимала участие и в сохранении культурного наследия различными путями. Речь идёт, с одной стороны, об обсуждении материальных норм права, регулирующих указанную сферу общественных отношений. В качестве аргумента приведу пример, связанный с обсуждением правительственного законопроекта «Об охране древностей» в редакции думской комиссии (специальная комиссия, избранная по инициативе депутатов 10 декабря 1911 г. в количестве 12 человек, из которых 6 октябристов, по 2 умеренно-правых и кадетов и по одному от прогрессистов, национальной группы и польского коло) [5, с. 442; 15, с. 425–435] 7 июня 1912 г. на общем собрании Думы. Выступавшие представители различных партийных фракций соглашались с тем, что растёт количество утраченных памятников, где антропогенная причина, к сожалению, становилась преобладающей. Об этом говорили представители трудовиков (А. А. Булат), октябристов (А. И. Парчевский), кадетов (В. А. Харламов). В. А. Харламов в своём выступлении подчеркнул, что «бережное отношение к предметам старины является мерилом культурности населения и культурности самого государства. И этого мерила русское государство не выдержало» [2, с. 4030]. Известно, что правительственный законопроект, инициированный Министерством внутренних дел, так и не стал законом.

Но, с другой стороны, в отличие от политических, экономических и социальных проблем страны больше взаимопонимания между депутатами и правительством было в вопросах ежегодного, единовременного финансирования по сохранению движимых и недвижимых, материальных и нематериальных памятников, а также утверждения новых штатов организаций культуры, исходящих от министерств и ведомств. Это имело место как на уровне многопартийных думских комиссий, так и пленарных заседаний Думы, а также прохождения думских законопроектов в Госсовете.

Для рассмотрения законодательных инициатив и запросов в Думе избиралась соответствующая комиссия: по направлению законодательных предположений и запросов. Так, в Государственной думе третьего созыва комиссия по направлению законодательных предположений работала с 15 ноября 1907 г. в количестве 33 человек. Из них 13 октябристов, 5 умеренно-правых, 4 кадета, 3 правых, 3 прогрессиста и по одному представителю от социал-демократов, трудовиков, группы мусульман, национальной группы и польского коло. Комиссия по запросам была избрана 10 ноября 1907 г. численностью 33 депутата, из которых октябристов – 14, правых – 4, умеренно-правых – 4, кадетов – 3, прогрессистов и мирнообновленцев – 2, национальная группа – 2, по одному от социал-демократов, трудовиков и примыкавших к ним, польского коло, мусульманской группы [4, с. 131]. Из приведённых данных следует, что в комиссиях преобладали октябристы и во многом определяли их позицию. У партии была самая крупная фракция в Думе. По данным их депутатов П. В. Каменского и Ю. Н. Милютинина фракция в январе 1908 г. насчитывала 180 депутатов. В то же время в официальных думских материалах представлен список фракции из 153 человек. Во фракции правых и примыкающих к ним было 49 депутатов, умеренно-правых с примыкающими – 70, кадетов – 54, национальной группы – 26, социал-демократов – 20, у остальных – 7–13 [10, с. 130; 15, с. 425–435]. В Думе четвертого созыва, в ходе её первой сессии, 7 и 3 декабря 1912 г., были избраны новый состав указанных комиссий в количестве 44 депутатов в каждой из них [3, с. 132, 379; 6, с. 309, 454]. В Думе октябристы и примыкающие к ним имели фракцию из 98 депутатов. Численность других фракций была следующей: правые – 65, националистов – 88, независимых националистов (группа центра) – 33, прогрессистов с примыкающими – 48, кадетов – 59, социал-демократов – 15, остальные с количеством от 6 до 15 депутатов [9, с. 33]. Видно, что октябристы в отдельности количественно превосходили другие фракции, однако единства в ней не было, что привело к её расколу в январе 1914 г. на левую группу во главе с С. И. Шидловским и Н. А. Хомяковым и правую группу земцев-октябристов под руководством М. В. Родзянко и М. М. Алексеенко [10, с. 133].

Представим содержательный анализ выявленных депутатских инициатив по исследуемой проблеме. В связи с приближением 200-летнего юбилея Полтавской битвы 130 депутатов (первые трое подписавшихся: октябристы Шейдеман, Н. Е. Пилипенко, Д. И. Герценец) Думы третьего созыва заявили, что «народные представители не могут пройти молчаливо перед таким историческим событием в жизни русского государства, не ознаменовав его памятником, достойного этого события». Они внесли законодательное предложение об учреждении в Полтаве, центре житницы

России, агрономического института им. Петра Великого, который будет способствовать не только экономическому развитию страны, но и просвещению населения и росту национального самосознания [16, № 428, с. 1–2].

31 октября 1911 г. 65 членов Государственной думы выступили с предложением о выделении денег из государственного казначейства для приобретения усадьбы М. М. Петровского в государственную собственность. Решением законодательной палаты от 1 ноября 1911 г. инициатива была передана в комиссию по направлению законодательных предположений. Депутаты обращали внимание на раскопки В. В. Хвойко 1907–1908 гг. на территории древнего Киевского кремля, в усадьбе М. М. Петровского, где были обнаружены ценные памятники истории и культуры. Указанная усадьба площадью около трёх десятин располагалась в районе «города Владимира», являющегося древнейшей из частей Киева. С северной и западной сторон она примыкала к территории первой христианской Десятинной церкви, построенной Владимиром Святым после крещения в Корсуни, что само по себе имело большое значение. Депутаты с сожалением отмечали, что никто из учёных Киевского университета и Киевской духовной академии до последнего времени не интересовались усадьбой. Хотя там проводились непрофессиональные раскопки археологами любителями. Важно и то, что её территория до сих пор не застроена и памятники старины окончательно не погибли для науки и русского народа. Открытие В. В. Хвойко имело культурно-национальное значение, вызвавшее глубокий интерес учёных. Об этом, в частности, говорили на XIV археологическом съезде в августе 1908 г. профессора И. А. Линиченко, Н. В. Покровский, Айналов. Обнаруженные материалы представляли жизнь человека на протяжении нескольких эпох: неолита, металлов, славянской, великокняжеской. Выявлены ряд мастерских и соответствующая техника и предметы искусства, представленные различными изделиями: 1) из мрамора, гранита; 2) изразцами с эмалью и без эмали схожие с материалами из Десятинной церкви и Софийского собора; 3) мозаика; 4) ювелирные изделия из золота и серебра. Открыто много погребений разных эпох с наличием ценных памятников. У северо-западной стены Десятинной церкви выявлено древнее и таинственное каменное сооружение круглой формы слегка вытянутые в овал с диаметром шесть аршин. По сторонам постройка имела четыре выступа. Внутренняя площадь выложена камнями на базе глиняного раствора, вокруг постройки сделан накат из глины. У западной стороны постройки обнаружено большое кострище с костями разных животных, свидетельствующее о том, что оно имело религиозное значение и было капищем языческого бога. Для военных большой интерес представляли остатки вала древнего «города Владимира» подземная галерея (потайный выход из кремля). Члены Киевского отдела военно-исторического общества датировали его временем не позднее середины IX в. Сохранилась часть великокняжеского дворца, который погиб при пожаре 1017 г. Это фундамент и часть пола нижнего этажа, обломки штукатурки с фресками, карнизов из мрамора. Остальная часть дворца была уничтожена во время планировки нижней части усадьбы при владельце Муравьеве и во время прореза нижней части Владимирской улицы и верхней части Андреевского спуска в 1715 г. при губернаторе князе Голицыне. На территории дворца выявлена братская могила времен взятия Киева ханом Батыем. В ней погребено несколько сот человек разного возраста, среди которых много детей. На черепках многих покойников следы рассечений острым оружием. На дне могилы обнаружен большой железный византийский запрестольный («церемониальный») крест X в. с изображением св. Феодора, на месте мученической кончины которого была построена Десятинная церковь. Кроме всего выказанного депутаты Думы исходили из того, что во дворце жили Ольга Святая, Святослав, Владимир Святой, т. е. исторические лица, создававшие величие Древней Руси. Наряду с этим они ссылались и на постановление указанного археологического съезда, который ходатайствовал перед верховной властью о приобретении усадьбы в собственность государства и тщательной охране находящихся в ней памятников. М. М. Петровский оценивал усадьбу в 300 тыс. руб. По мнению депутатов, сумма приемлемая, поскольку при дроблении усадьбы на части и их продажи в отдельности можно получить 1 млн руб. Депутаты, исходя из того, что для целей охраны памятников нужна часть усадьбы, прилегающая к Десятинной церкви, предложили правительству купить всю усадьбу (где имелись два двухэтажных казённых дома, приносящих 6 тыс. руб. ежегодного дохода) и продать эту её часть и тем самым сократить расходы. В результате обсуждения законодательной инициативы 65 депутатов Комиссия 10 марта 1912 г. признала её желательной. Такое же решение приняло и общее собрание Думы 23 мая 1912 г. и поручило выработку законопроекта указанной Комиссии [17, № 411, с. 1–4; 1, с. 2309]. Аналогичное законодательное предложение было внесено и в Государственную думу четвёртого созыва 29 апреля 1913 г. за подписью 77 членов. Постановлением от 3 мая 1913 г. Дума передала его в Комиссию. Комиссия рассмотрела данную законодательную инициативу 23 мая 1913 г. и признала приобретение усадьбы в государственную собственность целесообразной в виду огромной научной ценности.

Вместе с тем Комиссия пришла к выводу, что желательна и приобретение незастроенной части усадьбы Слюсаревского, прилегающей к усадьбе М. Петровского [21, № 445, с. 1–2]. Однако дальнейшая судьба данной инициативы неизвестна.

6 февраля 1913 г. 72 члена Думы выступили с законодательным предложением об ассигновании 120 тыс. руб. на окончание постройки памятника-часовни на могиле русских воинов, павших в «битве народов» 3–7 октября 1813 г. при Лейпциге союзнических войск с Наполеоном. Готовясь к 100-летней годовщине битвы, разрешение на строительство было получено от императора ещё 31 января 1909 г. В 1910 г. был образован комитет по сооружению памятника, который занимался также решением финансового вопроса через церковные сборы, частные пожертвования, сборы за счёт проводимых лекций и другие возможности (например, Донские казаки пожертвовали иконостас, магистрат Лейпцига безвозмездно выделил участок земли под памятник стоимостью 35 тыс. руб.). Автором проекта памятника был академик В. А. Покровский. Его стоимость оценивалась в 250 тыс. руб. За 2,5 года было собрано 127 тыс. руб. Строительство началось в августе 1912 г. и остановилось 15 декабря из-за нехватки денег. Депутаты Государственной думы обращали внимание на значение победы союзнических войск над армией Наполеона, принесшей Европе мир и расцвет культуры. Отмечали роль России в этом историческом событии, где из 300 тыс. войск союзников треть составляла российская армия, а из 50 тыс. погибших 24 тыс. были русскими. Члены Думы напоминали, что все государства, принявшие участие в битве, завершают к её столетию строительство памятников для погибших солдат. В первую очередь выделяли приготовления Германии, где на сооружение памятника было собрано 6 млн марок. Особо подчёркивалось, что достоинство России как великой державы требует того, чтобы памятник соответствовал её международному значению. Памятник должен был служить для Европы постоянным напоминанием, во-первых, «о великой жертве, принесённой Россией для прекращения кровавой смуты, охватившей Европу век назад», а, во-вторых, «как страшна она для тех, кто осмелится посягнуть на её достоинство и священные права» [18, № 94, с. 1–2]. В контексте данной законодательной инициативы отметим аналогичный законопроект, исходящий от Военного министерства от 2 мая 1913 г. 8 мая 1913 г. решением Думы законопроект передан в Комиссию по военным и морским делам. Комиссия рассмотрела проект 16 мая указанного года в присутствии представителя от Генштаба генерал-лейтенанта Беляева. Недостающие 120 тыс. руб. военный министр предлагал отнести на счёт возможных остатков в пределах сметы министерства, а при их недостаточности возместить за счёт сбережений госбюджета. Комиссия поддержала предложение военного министра и предложила Думе законопроект о выделении 120 тыс. руб. на окончание строительства памятника русским воинам в Лейпциге, павшим в боях 3–7 октября 1813 г., и отнести расход на счёт ожидаемых сбережений из сметы Военного министерства за 1913 г. Бюджетная комиссия 6 июня 1913 г. вынесла положительное заключение [20, № 429, с. 2]. Государственный совет 26.06.1913 г. поддержал законопроект Госдумы о выделении из государственного казначейства требуемой суммы [8, с. 2654]. 4 июля 1913 г. его одобрил император. Необходимые 120 тыс. руб. были отнесены на счёт сбережений Военного министерства в рамках бюджетных расходов 1913 г. [13, с. 714]. Вместе с тем отметим и то, что Комиссия по государственной обороне во главе с А. И. Гучковым в 1912 г. ставила вопрос о принятии мер к «скорейшему приведению в надлежащий вид братских могил воинов, павших на родине в годину Отечественной войны или за границей во время войны за освобождение Европы» [17, № 406, с. 4].

1 февраля 1913 г. Дума образовала специальную комиссию (председатель – С. Т. Варун-Секрет) для обсуждения вопроса об участии Думы в мероприятиях, связанных с 300-летним юбилеем правящей династии (царствования Дома Романовых). Комиссия должна была определить форму, характер и способы отражения в памяти русского народа исторической трёхвековой эпохи царствования Дома Романовых, объединившего и создавшего могущественную современную Россию. В ходе обсуждения проблемы в комиссии высказывались различные точки зрения, но в то же время было понимание того, что залогом успешности государства является взаимосвязь духовного состояния общества и экономического потенциала. Комиссия отмечала и успехи Николая II в развитии народного просвещения и экономических реформ. Итогом работы комиссии стало выдвижение трех проектов: 1) учреждение национального музея (инициатор умеренно-правый депутат П. Н. Крупенский), 2) учреждение педагогического института и учительских семинарий (партийная фракция октябристов), 3) романовский государственный фонд земельных улучшений (инициатор – гр. В. В. Мусин-Пушкин).

Несколько подробнее остановимся на содержании проекта музея, внесенного 19 февраля 1913 г. за подписью 33 депутатов Думы. Всероссийский национальный музей в Москве воспринимался как исторический памятник, который свидетельствовал бы обо всех сторонах развития и совершенствования государственно-народной жизни в духовном и материальном проявлениях, представляющий культурно-историческое развитие страны. Однако отмечалось, что создание такого музея заново невозможно, поскольку многие ценные материалы находятся в существующих музеях, а многие и уничтожены. Выход из такого положения был найден и заключался в дальнейшем

расширению и развитию одного из функционирующих музеев. Наиболее для этого подходил Московский Румянцевский музей с богатейшей коллекцией, являвшийся общедоступным просветительским учреждением в России. В нём имелись шесть структурных подразделений:

1. Огромная библиотека (более 1 млн томов) по всем отраслям знания. При библиотеке строился читальный зал на 450 человек.

2. Хранилище рукописей и старопечатных книг – одно из самых богатых в России.

3. Художественный отдел, который состоял: из картинной галереи с работами русских художников с конца XVIII в. и как дополнение – собрания картин западных мастеров; кабинета гравюр с русским отделом, наиболее полным в России; портретного и скульптурного отделов; нумизматического кабинета.

4. Этнографическое отделение состояло из коллекций по всем народностям России, собранных со времён первого кругосветного плавания Крузенштерна и Лисянского до последней экспедиции Русского географического общества на Камчатку 1908–1911 гг. Полно представлены как европейская Россия, так и её восточные и среднеазиатские окраины, а также сопредельные страны Азии. Эти материалы имели величайшую научную ценность.

5. Отдел древностей включал доисторические и церковные памятники, а также уникальные памятники, принадлежащие царю Алексею Михайловичу.

6. Минералогический кабинет с ценными коллекциями как России, так колыбели горного дела – Богемии и Саксонии.

Комиссия считала, что и в таком состоянии музей представляет огромную научную и художественную ценность и является для нового музея солидным основанием. Однако он нуждается в дальнейшем пополнении и развитии, увеличении площади за счёт дополнительно строительства помещений на имеющейся земле, в частности для картинной галереи, кабинета графики, архитектурного отдела и приобретения земли для помещений других отделов. Причём территория музея тесно связана с историей Москвы и русских царей, особенно с правящей династией Романовых. По мнению комиссии, «в создании такого всероссийского просветительского памятника найдёт себе должное выражение праздник духа... время для подведения итогов многовекового развития России и для показания её значения в ряду других культурных стран современного мира». Согласно проекту музей состоял из девяти отделов:

1. Географический отдел отражал природные богатства России.

2. Отдел древностей и нумизматики, который освещал основные этапы исторического развития. Частью отдела являлся Музей-часовня, в котором собраны предметы церковно-исторической старины начала царствования династии.

3. Этнографический отдел вбирал в себя в динамике материальную и духовную культуру славян, в том числе и зарубежных, и других народностей России.

4. Отделы сельского хозяйства, торговли и промышленности должны были дать представление об экономическом развитии страны.

5. Отделы государственный, городской и земский показывали возникновение и развитие государства и общества в контексте деятельности правительства, городских управлений и земств.

6. Отдел русского искусства состоял из двух частей. Первая включала в себя историю русского и западного изобразительного искусства. Кроме того, обращалось внимание на памятники русской архитектуры, которые ещё не представлены ни в одном музее. Вторая представляла развитие русской музыки и театра (инструменты, партитуры, макеты и т. п.).

7. Отдел государственных и общественных деятелей (биографические материалы, портреты, рукописи, письма, книги и др.).

8. Отдел рукописей и старопечатных книг.

9. Библиотека с читальным залом.

Основная идея авторов проекта заключалась в том, что именно универсальный музей с комплексными и ценными коллекциями, а не специальные музеи, способны наиболее плодотворно выполнять свои функции, прежде всего, по формированию национального самосознания и патриотического воспитания. При этом они исходили из того, что наряду экспозиционно-просветительской работой музея важно создание в нём возможностей для проведения театральных представлений и концертов на историческую тематику. Особое внимание уделялось организации тематических временных выставок, которые расширили бы возможности музея для актуализации материалов фонда для посетителей, а также ежегодных выставок современного искусства. Комиссия готовила законопроект на основании следующих положений: 1) в ознаменовании 300-летия царствования Дома Романовых учредить в г. Москве музей; 2) присвоить музею название: Всероссийский Национальный в память 300-летия Дома Романовых и Императорский Румянцевский музей; 3) ассигновать на сооружение и оборудование музея (около 5 млн руб.) и закончить работы не позднее 5 лет;

4) музей делится на 9 отделов; 5) музей управляется на основе специального положения и штата, установленных в законодательном порядке [18, № 101, с. 1–6]. 19 февраля 1913 г. за подписью 33 депутатов Думы (первые трое подписавшихся – Варун-Секрет, Крупенский 1-й, октябрист Савич) внесено законодательное предположение об учреждении указанного музея. Депутаты предлагали поручить выработку законопроекта на вышеизложенных основаниях комиссии по народному образованию [18, № 129, с. 1]. Первая мировая война и революции не позволили реализовать инициативу.

Депутатские обращения и запросы

22 февраля 1912 г. в соответствии со ст. 40 Учреждения Государственной думы 35 депутата (первые трое подписавшиеся – октябрист Ломоносов, Шумахер, октябрист Леонов) обратились к министру внутренних дел за разъяснением по поводу публикации в газете «Голос Москвы» от 19 февраля 1912 г. № 41 о неудовлетворительном состоянии московского храма Василия Блаженного, являющегося одним из первых образцов самобытного русского творчества. Со ссылкой на доклад академика В. В. Сулова в «Обществе охраны памятников русской старины», памятнику грозит полная гибель, поскольку в нём много трещин, около него вырыты выгребные ямы и навалены кучи строительного щебня, сырость разрушает фундамент и цоколь, а в колокольне устроено жилище сторожей, на чердаках имеется домашний хлам и скарб, являющийся угрозой для возникновения пожара. Полгода назад заявление о таком ужасном состоянии храма и необходимости реставрации было передано в археологическую комиссию, а оттуда в Министерство императорского Двора. Однако до сих пор ответа нет, а храм продолжает разрушаться. Поэтому собрание Общества обратилось в Думу с просьбой о внесении запроса правительству. Депутаты спрашивали у министра, намерен ли он в случае подтверждения указанного факта принять меры по спасению памятника [17, № 359, с. 1]. Реакция министра не известна.

Принципиальное отличие обращений от запросов как формы парламентского контроля заключается в том, что в них речь идёт о незаконных действиях исполнительной власти. Рассмотрим запросы, связанные с торжествами, посвящёнными 100-летию со дня рождения Т. Г. Шевченко, в которых речь идёт, в первую очередь, о нематериальном наследии. Отметим, что в Приложениях к стенографическим отчетам Думы имеются тексты трёх запросов, а в общих собраниях Думы обсуждались два запроса. 7 февраля 1914 г. 36 членов Госдумы (первые трое подписавшиеся – эсер Керенский, социал-демократ Геловани, октябрист Александров) подписали заявление о запросе председателю Совета министров по поводу запрещения предстоящего чествования памяти поэта Т. Г. Шевченко. В нём отмечалось, что 25 февраля 1914 г. исполняется 100-летие со дня рождения одного из величайших славянских поэтов и бесспорно Малороссии – творца «Кобзаря». Естественно, благодарная память народа не могла не отметить этот торжественный для него день. В этот день по инициативе городских дум предполагалось открытие нескольких памятников и проведение собраний по чествованию памяти поэта, а также служение панихид. Министр внутренних дел разослал губернаторам и градоначальникам циркуляр, запрещающий торжества и служение панихид. Депутаты указывали на превышение власти министром. Он, во-первых, не наделён правом общими циркулярами запрещать городским думами чествовать великих поэтов, во-вторых, хотя губернаторы и наделены правом отмены постановлений городских дум, но данный случай не подпадает под это; в-третьих, это противоречит и положениям закона от 4 марта 1906 г. о собраниях. Т. е. он нарушил ряд законодательных норм. Известны ли председателю правительства эти запреты, а если да то, что он намерен предпринять для того, чтобы торжества состоялись? [19, № 272, с. 1–2].

7 февраля 1914 г. за подписью 34 депутатов Госдумы (первые трое подписавшихся – умеренно-правый Иванов 1-й и кадеты Милюков, Шингарев) поступило заявление, адресованное председателю Совета министров и министру внутренних дел по поводу запрещения чествования 100-летия со дня рождения всемирно известного народного поэта Т. Г. Шевченко. Приводятся факты приостановления генерал-губернатором по указанию министра внутренних работ комиссии, избранной городской думой Киева по устройству юбилейных торжеств и выделения думой на эти цели 5 тыс. руб. Аналогичные запреты местной администрацией имели место в Харькове и Николаеве. Члены Госдумы отмечали «оскорбляющее общественную совесть вмешательство власти в оценку памяти, составляющей гордость России» и задавались вопросами: 1) известно ли им, что в различных городах империи властями запрещены торжества по поводу 100-летия со дня рождения поэта Т. Г. Шевченко и 2) будут ли приняты меры по устранению возбуждающих народное негодование распоряжений [19, № 271, с. 1].

11 февраля 1914 г. датируется запрос министру внутренних дел за подписью 33 депутатов (первые трое подписавшихся – Туляков, социал-демократ Чхеидзе, Хаустов) по поводу запрещения чествования памяти поэта Шевченко. В запросе через призму 100-летия со дня рождения Т. Г. Шевченко обращается внимание на преследование украинской культуры, в особенности языка, как основополагающего признака понятия нематериального наследия одной из крупных национальностей

России. В запросе приведены 30 конкретных фактов проявления этой политики. Отмечается, что это показатель антикультурной тенденции правительственного курса, посягательство на культурные завоевания и законные права народов многонациональной России. Действия министра внутренних дел Н. Маклакова относительно чествования Т. Г. Шевченко названы неправомерными. Кроме того, авторы запроса интересовались: 1) известны ли ему приведённые в запросе факты; 2) если да, то, что он намерен предпринять для восстановления правопорядка [19, № 280, с. 1–4]. Таким образом, в запросах речь идёт о нарушении прав украинского народа. И в этом контексте актуализируется вопрос о защите культурного наследия, в частности право на пользование родным языком других этносов многонациональной России.

На пленарном заседании Думы запрос к председателю правительства и министру внутренних дел обсуждался 11, 12 и 26 февраля 1914 г. и вызвал острые дискуссии. Правые партии и примыкающие к ним фракции, прежде всего националистов, исходили из следующего:

1. Речь в запросе идёт не о Т. Г. Шевченко как поэте и писателе, защитнике украинской духовной культуры и традиций, писавшем на родном языке.

2. Т. Г. Шевченко виделся им политическим деятелем сепаратистского движения, и мероприятия в честь его памяти считались антиправительственными.

3. Поэтому в самом депутатском запросе они видели путь борьбы с правительством.

Эти идеи отстаивали В. М. Пуришкевич, А. П. Савенко, И. М. Доценко, о. Рудич. Но полного единства среди фракции националистов не было. Так, ее представитель Мерцый не верил в сепаратизм всего украинского народа, что оскорбляло чувства национальной гордости и патриотизма малороссов, у которых с великороссами одна родина – великая Россия. «Дайте возможность свободно петь и свободно плакать своим материнским языком. Дайте нам возможность свободно любить и чествовать дорогого нам батьку Тараса», – говорил он. Именно во имя сохранения родного языка и культуры в целом Мерцый предлагал быть выше партийной дисциплины и следовать велениям своей совести и разума и поддержать запрос [7, с. 1198]. В сущности, аналогичную позицию занимала фракция земцев-октябристов в лице Капниста 2-го [7, с. 1174]. Фракция социал-демократов (Геловани, Чхеидзе) резко осуждала действия правительства, которое своими запретами в сфере культуры и, в частности, использования национального языка, сеет рознь между народами. Близкую к ним позицию занимали кадеты, считавшие необходимым сохранение единства страны путём предоставления народам культурно-национальной автономии. Ф. Родичев отмечал, что Россия – многонациональная страна. У этих народов самое дорогое – их национальная гордость, их сознание достоинства, и малороссам Шевченко не менее дорог, чем нам Пушкин. Запретом правительство разрушает единство национальной гордости не только украинцев, но и других народов [7, с. 718]. В итоге запрос был принят. За него голосовали 161 депутат, против 115 [7, с. 1206]. Т. е. обсуждение и итоги голосования по запросу говорят о наличии существенных разногласий применительно к значению национального языка как явления нематериального культурного наследия. Вместе с тем, его принятие свидетельствует о понимании большого значения духовных ценностей для национальной безопасности страны.

Запрос же министру внутренних дел от 11 февраля рассматривался 5 марта 1914 г. и был отклонён 136 голосами, при поддержке 90 депутатами [7, с. 1421–1426].

Известно, что ни председатель правительства, ни министр внутренних дел не ответили на запросы.

Выводы

Итак, подведём промежуточные итоги. 1. В исследуемое время у депутатов было понимание того, что сохранение и использование культурного наследия для воспитания и образования, передачи будущим поколениям присущих для российской цивилизации ценностей имеют непреходящее значение. Мысль о том, что потеря исторической памяти является угрозой для национальной безопасности, была и остаётся актуальной. 2. В выявленных законодательных инициативах депутатов из системы охраны культурного наследия речь идёт, прежде всего, о финансовой поддержке. 3. Этот аспект практически не вызывал серьёзных разногласий между представителями различных партийных фракций Госдумы в парламентских комиссиях и на общих собраниях нижней палаты. 4. Финансовые законопроекты Думы не встречали особых препятствий со стороны верхней палаты парламента, Госсовета и одобрялись императором. 5. Однако этого нельзя сказать о депутатских запросах, относящихся, прежде всего, к нематериальному наследию народов России. 6. Кроме того, правительство ни как не отреагировало на принятый Думой один из запросов. 7. Наряду с этим, следует, с одной стороны, выяснить судьбу некоторых законодательных инициатив, а с другой – ход и результаты обсуждения запросов и обращения в профильной комиссии.

Список литературы

1. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1912. Сессия пятая. Ч. III. – Санкт-Петербург : Государственная типография, 1912. – 3726 с.
2. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1912. Сессия пятая. Ч. IV. – Санкт-Петербург : Государственная типография, 1912. – 4326 с.
3. Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1912–1913 гг. Сессия первая. Ч. 1. – Санкт-Петербург : Государственная типография, 1913. – 2438 с.
4. Государственная Дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Сессия первая. 1907–1908. – Санкт-Петербург : Государственная типография, 1908. – 156 с.
5. Государственная Дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Сессия пятая. 1911–1912. – Санкт-Петербург : Государственная типография, 1912. – 500 с.
6. Государственная Дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Четвертый созыв. Сессия I. 1912–1913 гг. – Санкт-Петербург : Государственная типография, 1913. – 515 с.
7. Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1914 г. Сессия вторая. Ч. II. – Санкт-Петербург : Государственная типография, 1914. – 1992 с.
8. Государственный Совет. Стенографические отчеты. 1912–1913 гг. Сессия 8 (1.11.1912–04.07.1913). – Санкт-Петербург : Государственная типография, 1913. – 2822 с.
9. Иванов, А. А. Последние защитники монархии. Фракция правых в IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917) / А. А. Иванов. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2006. – 208 с.
10. Карапетян, Л. А. Конституционализм российских либеральных партий в контексте политико-правовой культуры на рубеже XIX–XX вв. / Л. А. Карапетян. – Москва : РАП, 2012. – 377 с.
11. Основы государственной культурной политики. Утверждены Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808. – Москва, 2014. – 22 с.
12. Основные Государственные законы // Свод законов. Книга первая. Т. I–III. – Санкт-Петербург : Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. – 465 с.
13. Полное собрание законов (ПСЗ). Собрание третье. Т. 33. 1913 г. Отд. 1. № 39684. – Петроград : Государственная типография, 1916. – 1470 с.
14. Правящая Россия. – Санкт-Петербург : Изд. Книжного склада Н. И. Игнатова, б/г. – 517 с.
15. Приложения к стенографическим отчетам Государственной Думы. Третий созыв. Сессия первая. 1907–1908 гг. Т. 1 (№ 1–350). – Санкт-Петербург : Государственная типография, 1908. – 996 с.
16. Приложения к стенографическим отчетам Государственной Думы. Третий созыв. Сессия вторая. 1908–1909 гг. Т. II (№ 220–469). – Санкт-Петербург : Государственная типография, 1909. – 1545 с.
17. Приложение к стенографическим отчетам Государственной Думы. Третий созыв. Сессия V. 1911–1912 гг. Т. III (№351–500). – Санкт-Петербург : Государственная типография, 1912. – 2304 с.
18. Приложение к стенографическим отчетам Государственной Думы. Четвертый созыв. Сессия I. 1912–1913 гг. Вып. I (№ 1–150). – Санкт-Петербург : Государственная типография, 1913. – 881 с.
19. Приложения к стенографическим отчетам Государственной Думы. Четвертый созыв. Сессия вторая. 1913–1914 гг. Вып. III (№ 198–311). – Санкт-Петербург : Государственная типография, 1914. – 813 с.
20. Приложение к стенографическим отчетам Государственной Думы. Четвертый созыв. Сессия I. 1912–1913 гг. Вып. IV (№ 366–435). – Санкт-Петербург : Государственная типография, 1913. – 885 с.
21. Приложение к стенографическим отчетам Государственной Думы. Четвертый созыв. Сессия I. 1912–1913 гг. Вып. V (№ 436–525). – Санкт-Петербург : Государственная типография, 1913. – 678 с.

References

1. *Gosudarstvennaya Duma. Tretiy sozyv. Stenograficheskie otchety. 1912. Sessiya pyataya. Ch. III* [State Duma. Third convocation. Verbatim records. 1912. Session 5. Part III]. St. Petersburg, State Typography, 1912, 3726 p.
2. *Gosudarstvennaya Duma. Tretiy sozyv. Stenograficheskie otchety. 1912. Sessiya pyataya. Ch. IV* [State Duma. Third convocation. Verbatim records. 1912. Session 5. Part IV]. St. Petersburg, State Typography, 1912, 4326 p.
3. *Gosudarstvennaya Duma. Chetvertyy sozyv. Stenograficheskie otchety. 1912–1913 gg. Sessiya pervaya. Ch. 1* [State Duma. Fourth convocation. Verbatim records. 1912–1913. Session one. Part 1]. St. Petersburg, State Typography, 1913, 2438 p.
4. *Gosudarstvennaya Duma. Obzor deyatelnosti komissiy i otdelov. Sessiya pervaya. 1907–1908* [State Duma. Review of the activities of commissions and departments. Session one. 1907–1908]. St. Petersburg, State Typography, 1908, 156 p.
5. *Gosudarstvennaya Duma. Obzor deyatelnosti komissiy i otdelov. Sessiya pyataya. 1911–1912* [State Duma. Review of the activities of commissions and departments. Session five. 1911–1912]. St. Petersburg, State Typography, 1912, 500 p.
6. *Gosudarstvennaya Duma. Obzor deyatelnosti komissiy i otdelov. Chetvertyy sozyv. Sessiya I. 1912–1913 g.* [State Duma. Review of the activities of commissions and departments. Fourth convocation. Session I. 1912–1913]. St. Petersburg, State Typography, 1913, 515 p.
7. *Gosudarstvennaya Duma. Chetvertyy sozyv. Stenograficheskie otchety. 1914 gg. Sessiya vtoraya. Ch. II* [State Duma. Fourth convocation. Verbatim records. 1914. Session two. Part II]. St. Petersburg, State Typography, 1914, 1992 p.

8. Gosudarstvennyy Sovet. *Stenograficheskie otchety. 1912–1913 gg. Sessiya 8 (1.11.1912–04.07.1913)* [State Council. Verbatim records. 1912–1913. Session 8 (1.11.1912–04.07.1913)]. St. Petersburg, State Typography, 1913, 2822 p.
9. Ivanov, A. A. *Poslednie zashchitniki monarkhii. Fraktsiya pravyykh v IV Gosudarstvennoy dume v gody Pervoy mirovoy voyny (1914 – fevral 1917)* [The last defenders of the monarchy. The right-wing faction in the IV State Duma during the First World War (1914 – February 1917)]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ. House, 2006, 208 p.
10. Karapetyan, L. A. *Konstitutsionalizm rossiyskikh liberalnykh partiy v kontekste politiko-pravovoy kultury na rubezhe XIX–XX vv.* [Constitutionalism of Russian liberal parties in the context of political and legal culture at the turn of the 19th–20th centuries]. St. Petersburg, Moscow, RAP Publ. House, 2012, 377 p.
11. *Osnovy gosudarstvennoy kullurnoy politiki. Utverzhdeny Ukazom Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 24 dekabrya 2014 g. № 808* [Foundations of state cultural policy. Approved by the Decree of the President of the Russian Federation of December 24, 2014, no. 808]. Moscow, 2014, 22 p.
12. *Osnovnyye Gosudarstvennyye zakony* [Basic State Laws. Code of Laws. Book one. Vol. I–III]. St. Petersburg, Russian book partnership "Deyate" Publ. House, 1912, 465 p.
13. *Polnoe sobranie zakonov (PSZ). Sobranie trete. T. 33. 1913 g. Otd. 1. № 39684.* [Complete collection of laws (CCL). Third meeting. vol. 33.1913. 1. No. 39684]. Petrograd, State Typography, 1916, 1470 p.
14. *Pravyyashchaya Rossiya* [Ruling Russia]. St. Petersburg, Edition of a bookkeeper of N. I. Ignatov, 517 p.
15. *Prilozheniya k stenograficheskim otchetam Gosudarstvennoy Dume. Tretiy sozyv. Sessiya pervaya. 1907–1908 gg. T. 1 (№ 1–350)* [Appendices to the verbatim records of the State Duma. Third convocation. Session one. 1907–1908. Vol. 1 (No. 1–350)]. St. Petersburg, State Typography, 1908, 996 p.
16. *Prilozheniya k stenograficheskim otchetam Gosudarstvennoy Dume. Tretiy sozyv. Sessiya vtoraya. 1908–1909 gg. T. II (№ 220–469)* [Appendices to the verbatim records of the State Duma. Third convocation. Session two. 1908–1909. Vol. II (No. 220–469)]. St. Petersburg, State Typography, 1909, 1545 p.
17. *Prilozhenie k stenograficheskim otchetam Gosudarstvennoy Dume. Tretiy sozyv. Sessiya V. 1911–1912 gg. T. III (№ 351–500)* [Appendix to the verbatim records of the State Duma. Third convocation. Session V. 1911–1912. Vol. III (No. 351–500)]. St. Petersburg, State Typography, 1912, 2304 p.
18. *Prilozhenie k stenograficheskim otchetam Gosudarstvennoy Dume. Chetvertyy sozyv. Sessiya I. 1912–1913 gg. Vyp. I (№ 1–150)* [Appendix to the verbatim records of the State Duma. Fourth convocation. Session I. 1912–1913. Issue I. (No. 1–150)]. St. Petersburg, State Typography, 1913, 881 p.
19. *Prilozheniya k stenograficheskim otchetam Gosudarstvennoy Dume. Chetvertyy sozyv. Sessiya vtoraya. 1913–1914 gg. Vypusk III (№ 198–311)* [Appendices to the verbatim records of the State Duma. Fourth convocation. Session two. 1913–1914. Issue III (No. 198–311)]. St. Petersburg, State Typography, 1914, 813 p.
20. *Prilozhenie k stenograficheskim otchetam Gosudarstvennoy Dume. Chetvertyy sozyv. Sessiya I 1912–1913 gg. Vyp. IV (№ 366–435)* [Appendix to the verbatim records of the State Duma. Fourth convocation. Session I. 1912–1913. Issue IV (No. 366–435)]. St. Petersburg, State Typography, 1913, 885 p.
21. *Prilozhenie k stenograficheskim otchetam Gosudarstvennoy Dume. Chetvertyy sozyv. Sessiya I. 1912–1913 gg. Vyp. V (№ 436–525)* [Appendix to the verbatim records of the State Duma. Fourth convocation. Session I. 1912–1913. Issue V (No. 436–525)]. St. Petersburg, State Typography, 1913, 678 p.